

Некоторые истории никогда не умирают. Хотя убогость времени тускнеет и поглощает их, как и все остальное, они остаются за его пределами, вытравленные в любых маленьких пятнышках бесконечности, которые они могут найти. Одна из таких историй родилась в туманный и странно бурный день. В королевстве Этерния почти никогда не было настоящих бурь, таких, которые разрывают небо и сотрясают землю. Но в тот день, день тихого шипения, они были.

Весь день шел дождь, небо потемнело до оникса, и даже ярких вспышек молний, которые были прелюдией к грохоту, потрясшему мир, было недостаточно, чтобы осветить спускающуюся тьму. В плачущих пустотах ночи они слышали их - павших.

Новость распространилась как лесной пожар, разлетевшись по всем землям так же стремительно, как дуют ветры. Молва говорила о дьяволе, красноглазом и багровом, с мясистыми крыльями гнили и разложения, и о боронованном и клыкастом хохоте, который пел песню мерзких извращений. Это было сродни тем сказкам, которыми пугают детей, чтобы заставить их подчиниться, но эта сказка была реальной. И был красный дождь и красная река, и были белые розы, цветущие алым... и был плач воронов и карканье ворон.

Матери, чьи мальчики так и не вернулись, жены, оставшиеся с детьми без отца, поля, лишённые бурного смеха... и имена, некогда высеченные на стеле времени, теперь уныло вычеркнутые, - все они исполняли мирскую песню о начавшейся буре.

В этих шепотках не было ни лжи, ни правды, ибо смерть была смиренно немилосердной в равной степени - погибли ли они, воспевая подвиги и сражаясь с дьяволом, вознамерившимся поглотить мир, или же они погибли, зарывшись в красную грязь, с заплаканными от ужасов и страхов глазами, - для томов это не имело значения. Важно было то, что они лежали мертвые, и что в них таился ужас. Пара красных глаз смотрела на Королевство в непритворном восторге, протягивая свои тонкие, длинные пальцы через скорбные земли в предвкушении.

И теперь, когда Королевство раскачивалось дольше и громче всего, когда было большее всего,

люди собрались - они собрались под милостью Дворца, склонив головы перед куполом, который защищал их вечно. Они выкрикивали имя, давно забытое, но теперь вспомненное. Они надеялись и молились, что он снова появится из тьмы и спасет их. Спасет их от катаклизма.

Но Король так и не появился. Только Королева, которая пела песнь об избавлении, давала заверения, которые не могла выполнить... ибо она была смертной женщиной. Королевство горело, а его Король скрывался - вот и все, что они узнали. И если Королевство сгорит... его сожгут те, кто покоится на его землях, а не какое-то чужое, чуждое, злое существо.

Король Вивенул сидел на ребристом краю оконного стекла с видом на обширные земли самого прекрасного города, который он когда-либо видел. Сейчас этот город пылал, пылал с размахом, превосходящим печаль. Солдаты сражались, они сами и их люди, и крики создавали симфонию, которая растопила бы и меньшего человека.

Но прошли годы и десятилетия, а ему все было безразлично. Хотя Король должен был любить свой народ, он никогда этого не делал. Он не любил их ни когда был юным принцем, ни когда был коронован, ни когда стал Королем, ни в течение десятилетий, прошедших с тех пор. Если бы это зависело от него, он бы сам все сжег и отрекся от престола.

Он видел сердце людей, и оно было уродливым и отвратительным. Оно было хуже, чем дьявол, которого они осуждали и боялись, хуже, чем все то, что шептуны пели о нем. Если бы когда-нибудь существовало зеркало, позволяющее миру заглянуть внутрь себя, все, в чьих сердцах был хоть один человеческий порок, повесились бы от стыда.

Их ярость, если и радовала его, то лишь слегка. В конце концов, этот вид говорил больше о них, чем о нем - эти земли, которые они возделывали и якобы любили... вместо того, чтобы взять в руки оружие в гневе и ярости и выступить в поход против предполагаемого дьявола... они разрушают их. Сжигают их. Пряча свои страхи в самодовольстве, обвиняя его, обвиняя дьявола. В них не осталось ни чести, ни любви, ни смирения, он знал. Их не было уже очень, очень давно.

Королевство старо, оно старше любой мудрости, которой обладают люди, живущие внизу. Оно выдержало бури куда более сильные, чем эта, и выжило. И не благодаря королям, королевам и армиям. А благодаря людям. Простые мужчины и женщины, которые никогда не сдавались. Кто никогда не сгибался. Но эти люди... эти люди ушли. Мертвы и похоронены, вместе с позвоночниками из самых прочных металлов.

На их место пришла толпа льстивых, плачевных, извращенных и самодовольных псов. И их требования звучат пустотой.

Шаги заставили его отвернуться от обломков, и он бросил взгляд на появившуюся фигуру. Она была одета в знакомое платье, усеянное золотыми лилиями, и, как и он, имела бескорыстное выражение лица.

"Ты ожидал, что он будет так волноваться?" - спросила она, садясь рядом с ним.

"Нет, пока я не встретил его", - ответил он.

"... он другой", - сказала она. "Гораздо более другой, чем в начале".

"Почти бессмысленно", - сказал он. "Все, что мы подготовили для него. Использовал ли он хотя бы десятую часть этого?".

"Нет", - покачала она головой. "Он захватил только несколько генералов, как я слышала. Он не заключил контракт ни с Мертвыми, ни с Культom. Если уж на то пошло, он разозлил всех и вся. Немного напоминает мне тебя в молодости".

"Мир сломал его", - сказал он. "В этом есть смысл".

"...Однако это не подойдет", - сказала она после недолгого молчания.

"Все в порядке. Я не думаю, что он стал таким. Не по-настоящему".

"Он зол", - сказала она. "В глубине души его сердце... оно гниет. Но время притупило его. Зрелища стали одинаковыми, и даже самая сердитая душа успокоится в непоколебимом, знакомом море. Я боюсь... Я боюсь самого худшего, когда он придет".

"Как и я", - сказал он. "Мы можем только надеяться..."

"Что мы будем делать, пока он не отменит это?" - спросила она, когда атмосфера расслабилась.
"Приказать поварам приготовить наш любимый пир?"

"Я уже поел", - сказал он. "Может, прогуляемся на гору? Я давно там не был".

"Конечно", - она робко улыбнулась и встала, протягивая руку.

Они покинули массивный дворец, не замеченные ищущими их глазами, и направились в тыл к близлежащей горе. Это был одинокий путь, лишенный жизни, животной или иной, но торжественный и мрачный на вид, с ивами, окаймляющими грунтовую дорогу.

На вершине находилась круглая поляна, вытянутая и искусственная, увенчанная копиями, которые казались когтями, поддерживающими землю. В самом центре стояло дерево высотой около десяти футов, в основном коричневого цвета, похожее на гниль, и только на нескольких ветвях росли кроваво-красные листья.

Внизу, у корней дерева, прислонившись к нему, лежало тело женщины. Она выглядела молодой, ее кожа была фарфорово-белой, она была одета в обнаженную одежду. Двое остановились в шести футах от нее и упали на колени, их глаза остекленели от поклонения.

Эта женщина была самым прекрасным существом из всех, кого когда-либо видели, словно изваянная руками богов для удовлетворения всех желаний, как мужчин, так и женщин. У нее были золотистые волосы, выбеленные, как снег, полосами, которые, казалось, каскадами сменяли друг друга.

Поперек ее груди, отделанной серебром, располагался символ - полумесяц, прорезанный веером пальцев снизу, тянущихся к сияющей звезде прямо над ключицей. Звезда, казалось, сияла даже при свете дня, подобно путеводной благодати бесконечности, манящей и теплой.

А позади нее, спускаясь вдоль корней дерева с вершины ее спины, была пара крыльев, золотых и оперенных, больше, чем жизнь и смерть.

Вдруг крылья слегка дрогнули, и двое восхищенно улыбнулись, когда закрытые глаза женщины разошлись, открыв пару несомненных достоинств. Глаза не были окрашены в какой-то один, особый цвет - словно все цвета, известные и неизвестные, за пределами и над космосом, были вложены в нее, в смесь бесконечности, жизни и смерти, всего, что когда-либо было, есть и будет.

Оба встретили этот взгляд с ужасом и благоговением в равной степени, их головы дрогнули и

упали на землю. Под этим взглядом они чувствовали себя бесконечно малыми, неважными, словно призраки из забытых басен, сгоревшие в пепле дихотомии.

Женщина молчала, протягивая правую руку. Тонкие пальцы плели линии судьбы, гобелен жизни и смерти, и казалось, что с каждым движением ткань реальности шатается, едва держась на нитях, удерживающих ее вместе. Казалось, что мир отвергает ее, ибо он непригоден для созерцания ее.

Тепло разлилось внутри обоих, как приливные волны надежды, их разум прояснился с непревзойденной ясностью. Их вера вновь возродилась, и их выбор подтвердился. Ибо она сопровождала их - существо, превосходящее все, недоступное для взгляда простого смертного. Хранительница, родословная, жизнь и огонь всего, что они когда-либо знали и познали.

Они чувствовали, что их принимают руки, которые все понимают... и все равно заботятся. Они таяли в этих объятиях, в этом свете, в этом тепле, все время удивляясь, как им выпало такое счастье. Скоро, знали они, они присоединятся к ней, будут приняты ею как единое целое и отправятся дальше, как ее часть, в миры за ее пределами. Скоро... скоро... скоро... скоро...

<http://tl.rulate.ru/book/66231/2744038>